ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.665

Положение бедного населения в социальной структуре региона (на материалах Орловской области)

Ссылка для цитирования: *Алексеёнок А. А., Каира Ю. В., Колмогоров Е. В.* Положение бедного населения в социальной структуре региона (на материалах Орловской области) // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 3. С. 99–120. DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.665
For citation: Alekseionok A. A., Kaira Yu. V., Kolmogorov E. V. The situation of the poor in the regional social structure (based on the materials of the Orel region). *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 3. P. 99–120. DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.665

Алексеёнок Анна Алексеевна

Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Орёл, Россия

alexaconst@rambler.ru

AuthorID РИНЦ: 25760

Каира Юрий Владимирович

Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Орёл, Россия

kaira@orel.ranepa.ru

AuthorID РИНЦ: 334997

Колмогоров Евгений Владимирович

Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Орёл, Россия

jonson1974@bk.ru

AuthorID РИНЦ: 1078546

Аннотация. В статье представлены результаты авторского исследования, проведённого в одном из значимых аграрных регионов России – Орловской области. В основу исследования был положен интегративный подход, предполагающий сочетание объективных и субъективных критериев и подкритериев отнесения к бедным слоям. Репрезентативность выборки (n=1154) обеспечена по возрасту, полу, сферам занятости и типу населённого пункта, ошибка выборочной совокупности не превышает 2,3%. Методика интерпретации результатов исследования основана на делении социума на бедные и «небедные» слои, как это было принято в анализе бедности и неравенства в современной России в одноимённом докладе Института социологии РАН. Такой интерпретативный подход позволил авторам выявить существенные различия в качественных оценках и количественных характеристиках феномена бедности представителями выделенных слоёв бедных и небедных. Результаты проведённых исследований позволили дифференцировать приоритетные причины бедности по оценкам как самих бедных, так и небедных.

Авторами установлено, что при самопозиционировании населения в региональной социальной структуре небедные склонны занижать своё положение относительно объективных значений критериев бедности, а сами бедные склонны завышать своё социальное положение. Сравнение бедных и небедных по социально-профессиональным критериям подтвердили одно из положений теории социальной стратификации, расширительное толкование которого предполагает прямую зависимость между уровнем образования и принадлежностью к небедным слоям. Суммарным итогом исследования стали выводы о меньшей полноценности жизни представителей бедных слоёв населения Орловской области по сравнению с небедными, особенно в части коммерциализированных форм досуга, и о пребывании первых в состоянии депривации, несмотря на их стремление к самопозиционированию вне зоны бедности.

В результате авторами делается вывод, что в условиях, когда проблема бедности носит глобальный характер и в последние несколько лет становится целевым показателем всё большего круга стран и регионов, таргетирование бедности должно быть приоритетом и российской социальной политики как на федеральном, так и на региональном уровне.

Ключевые слова: бедность, критерии бедности, причины бедности, социальная стратификация, социальная структура

Уровень бедности является одним из ключевых показателей развитости регионов. Рейтинги субъектов РФ по уровню бедности населения и по уровню жизни сильно коррелируют, и почти все регионы с большой долей бедных характеризуются неразвитостью социально-экономической сферы, а регионы с небольшой долей населения с доходами ниже прожиточного минимума характеризуются высокоразвитой социально-экономической сферой [Печетова 2017: 223–226]. Большое внимание исследованию социальной структуры и социального пространства регионов уделяется в работах З. Т. Голенковой [Голенкова, Самба 2019: 5–17].

Ученые института социологии РАН разработали методику исследования положения бедного населения, которая была успешно апробирована при анализе положения бедного российского населения в социальной структуре социума, а её результаты представлены в аналитическом докладе «Бедность и неравенства в современной России: 10 лет спустя»

[Бедность и неравенства... 2013] и научной монографии «Бедность и бедные в современной России» [Бедность и бедные... 2014]. Исследование проводилось под руководством академика М. К. Горшкова [Горшков 2020: 232–242]. В исследовании приняли участие Н. Е. Тихонова [Тихонова 2014: 7–19], С. В. Мареева [Мареева, Тихонова 2016: 37–67], Ю. П. Лежнина [Лежнина 2014: 20–28], Е. И. Пахомова, В. В. Петухов, И. О. Тюрина, Н. Н. Седова [Горшков, Седова 2015: 4–16].

Данная методика, основанная на интеграционном применении комплекса взаимосвязанных объективных и субъективных критериев и подкритериев, легла в основу социологического исследования «Положение бедного население в социальной структуре региона», проведённого на кафедре «Социология и информационные технологии» Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС при Президенте РФ в апреле–мае 2017 г.[1].

Начать исследования положения бедного населения в социальной структуре региона целесообразно с социально-экономических или материально-имущественных критериев. В начале исследования были проанализированы изменения социально-экономического положения, произошедшие в семьях бедного и небедного населения за прошедший год (см. рис. 1).

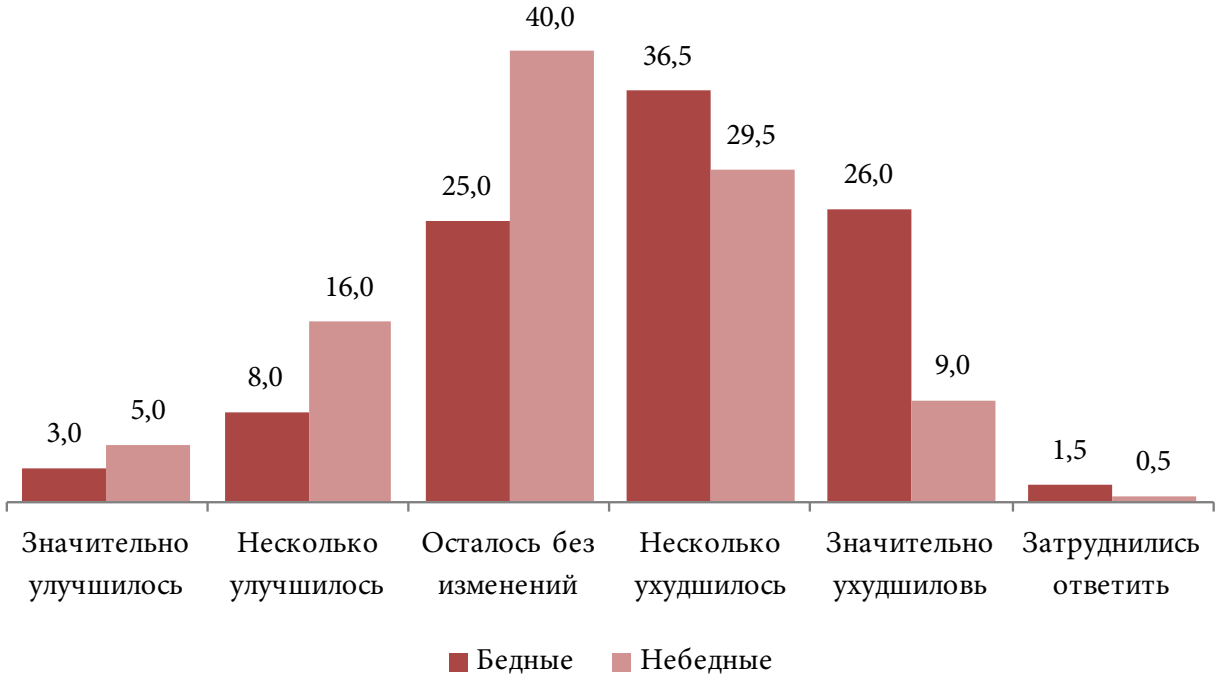

Рис. 1. Изменение социально-экономического положения семей бедного и небедного населения за прошедший год, %

Figure 1. Changes in the socio-economic status of impoverished and non-impoverished families for the previous year, %

[1] Массовый опрос населения г. Орла и Орловской области «Бедные социальные слои современного российского общества». Исследование проводилось в апреле–мае 2017 г. Выборочная совокупность составила 1154 чел. Репрезентативность выборки обеспечивается по возрасту, полу, сферам занятости, по типу населённых пунктов. Ошибка выборочной совокупности не превышает 2,3%.

Особенно ярко дифференциация изменения социально-экономического положения семей бедного и небедного населения прослеживается в крайне негативных оценках. Так, каждый четвёртый представитель бедного населения отмечает значительное ухудшение материального положения семьи за истекший год, среди небедных такую оценку даёт в три раза меньшее число респондентов (26,0 и 9,0% соответственно). Это говорит о том, что негативное положение бедного населения региона не только не улучшается или хотя бы стабилизируется, а, напротив, продолжает усугубляться. Достаточно противоречиво можно интерпретировать ответы бедного и небедного населения о том, что их социально-экономическое положение за истекший год осталось неизменным. Так, тот факт, что почти половина небедного населения региона говорит о неизменности своего материального положения, свидетельствует о его стабильности и может трактоваться с позитивной стороны. В то же время выбор такого же варианта ответов бедными говорит о том, что их социально-экономическое положение продолжает оставаться негативным. Если говорить о положительных оценках респондентов, то в них так же будет прослеживаться значительная дифференциация между бедным и небедным населением. Так, 11% бедных заявили об улучшении социально-экономического положения своей семьи за истекший год; в семьях небедного населения такое улучшение происходит в два раза чаще. Каждый пятый представитель небедного населения заявил об улучшении материального положения своей семьи за истекший год.

Насколько оптимистично оценивают бедные и небедные свои перспективы, помогли выявить их ответы на вопрос о том, какие изменения материального положения своих семей респонденты ожидают в ближайшем будущем (см. рис. 2).

Из результатов распределения ответов респондентов, представленных на рисунке 2, можно сделать вывод, что население области достаточно пессимистично и неуверенно оценивает своё будущее. Об отсутствии уверенности в «завтрашнем» дне говорит тот факт, что каждый пятый житель небедного и каждый четвёртый бедного населения затрудняются с оценкой своего будущего материального положения (18,5 и 27,0% соответственно). Каждый третий бедный считает, что его положение останется без изменений, т. е. по-прежнему в состоянии бедности, а каждый четвёртый, – что со временем положение только ухудшится (26,5%).

В то же время оптимистично своё будущее оценивает каждый пятый небедный житель региона. Среди бедных оптимистов меньше, и об улучшении собственного материального положения говорит лишь 13,5%.

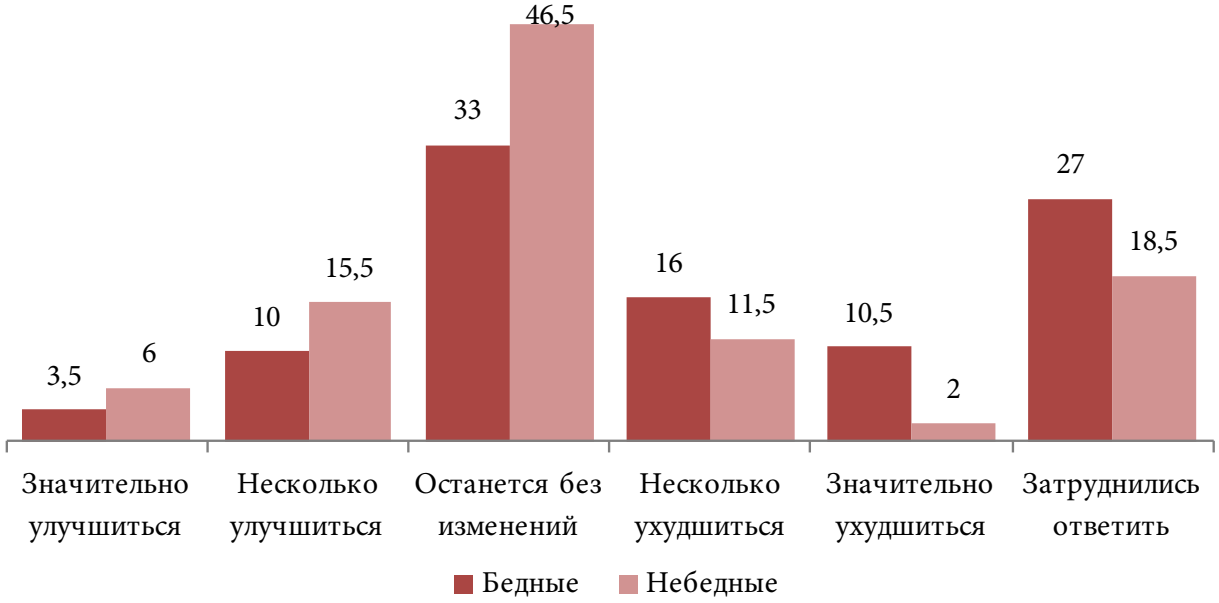

Рис. 2. Оценка перспектив изменения социально-экономического положения бедного и небедного населения, %

Figure 2. Evaluation of the prospects for change in the socio-economic status of impoverished and non-impoverished groups of the population, %

Приведённые результаты исследований и сформулированные выводы свидетельствуют о том, что проблема бедности является крайне актуальной и злободневной для региона. Это обусловило необходимость выявить факторы, которые приводят население в состояние бедности [Тихонова 2018b]. Представителям как бедного, так и небедного населения было предложено назвать причины, которые оказывают наибольшее влияние на попадание индивида в состояние бедности (см. рис. 3).

На первое место среди факторов, приводящих индивидов в состояние бедности, большинство респондентов поставили безработицу. То, что человек длительное время не имеет работы по причине отсутствия рабочих мест, отсутствия необходимого образования или недостаточной квалификации, лишает его основного материального достатка – заработной платы, что и является, по мнению респондентов, первостепенной причиной бедности: так считают более половины небедного населения и чуть менее половины бедного (65 и 46% соответственно). Если первый фактор попадания индивида в состояние бедности респонденты связывали с отсутствием заработной платы, то в качестве второго фактора они называли её малую величину. Этот факт является достаточно очевидным, т. к. в Орловском регионе зарегистрирован один из самых низких по стране уровень заработной платы. На эту причину бедности указали 40,5% небедного и 30,3% бедного населения. Одной из причин бедности является и повышенная иждивенческая нагрузка. Этот фактор назвала третья часть как небедного, так и бедного населения (31,6 и 32,1% соответственно). Каждый четвёртый респондент из обеих групп населения в качестве причины бедности указал депрессивность района проживания. О низком социально-экономическом уровне Орловской области было упомянуто выше. Если по второму, третьему и четвёртому факторам как бедные, так и небедные респонденты выразились достаточно единодушно, то по остальным факторам наметились следующие разногласия и противоречия.

Рис. 3. Субъективные оценки причин бедности, %

Figure 3. Subjective evaluations of what causes poverty, %

Так, каждый четвёртый бедный считает, что в состояние бедности он попал из-за недостаточной поддержки государства. Такой выраженный патернализм присущ 24,5% опрошенных бедных. С данной позицией переплетается фактор «отсутствия поддержки родственников, друзей, местного сообщества». То есть, более пятой части бедных (21,8%) ответственность за своё материальное положение перекладывают на других.

Небедное население на этот счёт имеет другое мнение. Они считают, что в состоянии бедности человек оказывается из-за низкой квалификации и недостаточного образования (т. е. нежелания обучаться, работать над собой, осваивать профессию) – 14,2%. Сюда же относятся «пассивная жизненная позиция, нежелание приспосабливаться к жизненным условиям» – 13,9%, «нежелание менять привычный образ жизни» – 10,5%. Необходимо отметить, что сами бедные эти факторы приводят в 2–4 раза реже. Данная тенденция прослеживается и при анализе ответов респондентов на вопрос о безработице, поскольку бедные (46%) считают, что в это состояние их привело отсутствие работы.

Из сказанного можно сделать вывод, что в состояние бедности людей приводит лень, нежелание учиться, работать, вести активный образ жизни, иметь жизненную позиции и установки, нацеленные на самосовершенствование, что отличает их в худшую сторону от небедного населения. С целью ещё наглядней проиллюстрировать заявленный тезис, сравним направления деятельности, которые выбирают представители бедного и небедного населения для улучшения социально-экономического положения семьи (см. рис. 4).

Как видим, сельхозпродукция является серьёзным подспорьем как для бедного (63,4%), так и для более половины (55,3%) небедного населения. Это не удивительно, т. к. Орловская область долгое время являлась аграрным регионом, и подавляющее большинство её жителей имеют непосредственную связь с сельской местностью, в которой проживают их родственники.

Одним из популярных способов улучшения материального положения и получения дополнительных доходов выступают различного рода подработки [Тихонова 2017]. Примечательно, что свыше четверти представителей бедного населения (27,9%) прибегают к разовым, временным подработкам, которые случайным образом «подворачиваются под руку», не прилагая к их поиску дополнительных специальных усилий. Среди небедного населения этот способ получения дохода менее популярен, к нему прибегает только пятая часть (20,7%) респондентов данной социальной категории. Наиболее популярными среди небедного населения являются подработки, носящие стабильный характер. Так, каждый четвёртый из них имеет совместительство по основному месту работы – 24,7%. Среди бедного населения, использующего данный вид подработок, на десять процентов меньше – 14,6%. Также в два раза реже (6,9 и 11,2% соответственно) бедные используют совместительство в нескольких местах на постоянной основе. Определённая часть небедного населения получает дополнительные материальные поступления от сбережений, накоплений и от сдачи в аренду жилья и недвижимости (12,4%). У бедных такой вид подработок встречается в шесть раз реже, т. е. практически отсутствует – 2,3%.

Рис. 4. Направления деятельности, которые выбирают представители бедного и небедного населения для улучшения социально-экономического положения семьи, %

Figure 4. Fields of activity chosen by people from impoverished and non-impoverished groups of the population in order to improve their families' socio-economic status, %

Среди бедных практически отсутствуют и те, кто рассматривают получение дополнительной квалификации или переквалификацию для получения дополнительных материальных поступлений – 1,1%. Небедные прибегают к такому способу в три раза чаще – 3,7%. Невысокий процент этого показателя среди небедных может свидетельствовать не об отсутствии желания профессионального роста, а о том,

что они уже достигли определённого желаемого уровня. Тот факт, что определённая часть небедного населения не предпринимает никаких действий для улучшения социально-экономического положения семьи (14,3%), может быть интерпретирован тем, что каждый десятый представитель данной социальной категории не нуждается в этом. Но то, что 7,1% бедного населения, несмотря на тяжёлую жизненную ситуацию, не предпринимает никаких попыток её исправить, свидетельствует о пассивной жизненной позиции, фатализме, отсутствии желания что-либо предпринимать для улучшения своей жизни.

Следующий вопрос касался достижений, которые произошли за текущие несколько лет в семьях бедного и небедного населения (см. рис. 5).

Рис. 5. Достижения бедного и небедного населения за текущие несколько лет, %

Figure 5. Achievements of impoverished and non-impoverished groups of the population throughout the last few years, %

Показательно, что отсутствие активности, безынициативность, пассивная жизненная позиция бедных отразились и на их достижениях [Тихонова 2018а]. По всем позициям, заявленным в анкете, бедные уступают небедным. Значительно (в семь раз) они уступают в увеличении накоплений и сбережений (2,9 и 19,7% соответственно), в карьерном и профессиональном росте, продвижении по карьерной лестнице, получении новой интересной работы или назначении на перспективную должность (2,2 и 15,4%). В два раза реже бедные повышают уровень образования и квалификации (11,5 и 21,9%). Нежелание учиться, низкий профессиональный уровень являются своеобразной «визитной карточкой» бедного населения. По ряду других показателей бедные также уступают

небедному населению, хоть и не с таким значительным разрывом: повышение материального благосостояния (12,3 и 17,8% соответственно), дорогостоящие приобретения – машина, дача (7,9 и 11,0%). Почти 62% бедного населения констатировали, что за текущие несколько лет они ничего из перечисленного выше не добились. Это ещё раз подтверждает пассивность их жизненной позиции, говорит об отсутствии достижительных установок.

Целью следующего вопроса было выяснить основные источники доходов бедного и небедного населения (см. рис. 6).

Рис. 6. Основные источники доходов бедного и небедного населения, %

Figure 6. Main sources of income for the impoverished and the non-impoverished, %

Рисунок показывает, что наибольшие различия наблюдаются в таком источнике, как «заработная плата». Две трети небедного населения (75,5%) указывают данный источник основным, но среди бедного населения заработная плата является основным источников доходов лишь у половины населения (50,1%). Таким образом, две трети небедного населения имеют размер заработной платы, позволяющий вести достойное существование, не прибегая к поиску иных источников доходов.

Что касается бедного населения, то, несмотря на жизненную пассивность и нежелание прилагать усилия для получения каких-либо достижений и работать дополнительно, размер заработной платы половины представителей данного социального слоя не позволяет удовлетворять даже самые минимальные потребности и вынуждает их искать альтернативные источники доходов.

Результаты анализа остальных источников доходов бедного и небедного населения показал, что их структура имеет много общего. Второе место среди источников доходов и бедного, и небедного населения занимают социальные выплаты, получаемые от государства (пенсии, стипендии и т. п.). Данный источник доходов указали чуть более половины бедного и чуть менее половины небедного населения (52,7 и 44,2% соответственно). Примерно равное распределение в процентном отношении и у бедного, и у небедного населения составили «подсобное хозяйство, приусадебный участок, огород» (11,5 и 13,0%), «помощь родственников и друзей» (12,5 и 11,9%), «разовые подработки» (9,7 и 7,7% соответственно).

Источник «доходы от собственности» является наиболее дифференцирующим. Он практически отсутствует у бедного населения (0,7%). Если рассматривать источники основных доходов у небедного населения, то он будет находиться на последнем месте, но если сравнивать с бедным, то он будет превышать процентное соотношение в 9 раз.

Ещё одним критерием, на основании которого можно проанализировать положение бедного населения в социальной структуре общества, является структура расходов. На рисунке 7 представлена в процентном распределении структура расходов бедного и небедного населения.

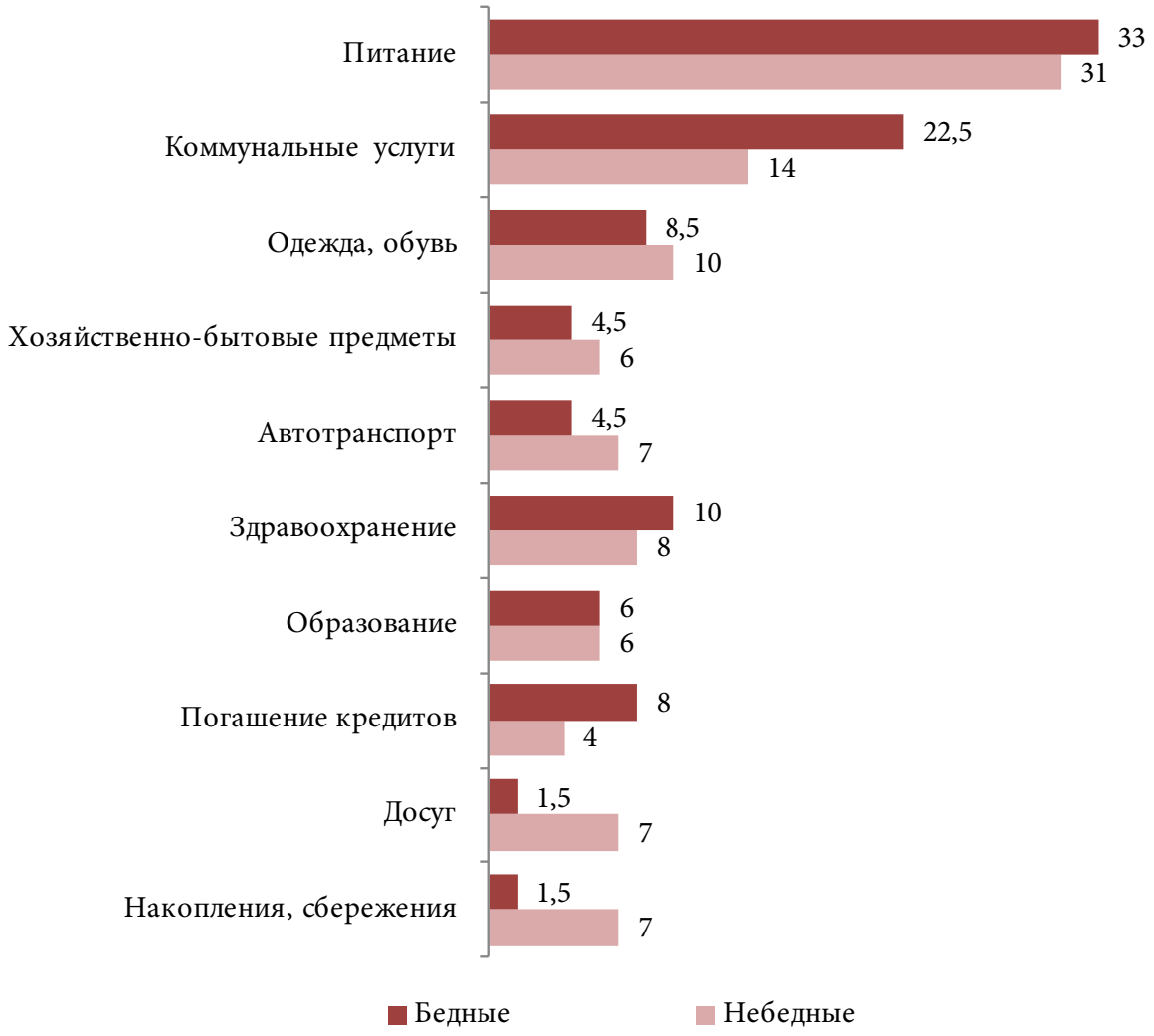

Рис. 7. Структура расходов населения, %

Figure 7. Population income structure, %

На рисунке продемонстрировано, что третья часть расходов бедных и небедных уходит на питание (33,0 и 31,0% соответственно). В данном случае одинаковый процент будет свидетельствовать о различии в питании этих двух групп населения, так как заработная плата бедных значительно ниже, чем у остального населения, а в результате и сумма, которая приходится на их питание, значительно меньше, чем у небедных, что отражается на качестве приобретаемых бедными продуктов, на их количестве и разнообразии. Таким образом, более половины бюджета бедного населения уходит на питание.

Чуть менее четвёртой части расходов бедных приходится на услуги ЖКХ (22,5%). Данная статья расходов является неизменной, и на её величину никак нельзя повлиять. Значительную часть расходов бедных забирает здравоохранение. Это говорит о том, что в состояние бедности попадают люди, имеющие проблемы со здоровьем (пенсионеры; семьи с маленькими детьми; люди с ограниченными возможностями здоровья, среди которых также могут быть пенсионеры и дети), поэтому расходы на медицину являются неизменной составляющей бюджета бедного населения. Транспортные расходы свидетельствуют об использовании бедным населением в основном общественного транспорта, в то время как небедное население ездит преимущественно на собственных автомобилях.

Значительную часть расходов бедных, по которой они в два раза превосходят небедное население, составляет погашение кредитов (8 и 4% соответственно). Цели получения кредитов бедными и небедными также разнятся. Небедное население чаще всего берёт кредит на покупку дорогого автомобиля или для улучшения жилищных условий. Бедное население берёт потребительские кредиты преимущественно для покупки товаров длительного пользования (холодильник, телевизор) или для покупки предметов «роскоши», которыми пользуются представители небедного населения, но покупка которых для бедного населения возможна только в кредит. Так называемое «компенсаторное потребление» является характерной чертой бедного населения, и они приобретают айфоны и айпады, а потом несколько лет выплачивают за них деньги.

Самое большое отличие у бедного и небедного населения отмечается по статьям «досуг» (1,5 и 7% соответственно) и «накопления и сбережения» (1,5 и 7%). Для последней статьи у бедных просто нет лишних денег, которые они смогли бы откладывать. Что касается досуга бедных, то здесь всё трактуется не так однозначно. Досуговые практики бедных гораздо скудней, чем у небедных, и связано это не всегда с материальными затратами (см. рис. 8).

Очевидно, что даже по малозатратным досуговым практикам бедные значительно уступают небедному населению. Почти в два раза реже бедные гуляют, проводят время на природе (24 и 43% соответственно), слушают музыку и читают книги (23 и 42%), присутствуют в соцсетях, играют в компьютерные игры (15 и 36%). Бедные гораздо реже встречаются или общаются с друзьями (37 и 56%), имеют хобби (10 и 18%). Все перечисленные досуговые практики ещё раз характеризуют бедных как пассивную группу с ограниченным кругозором и интересами.

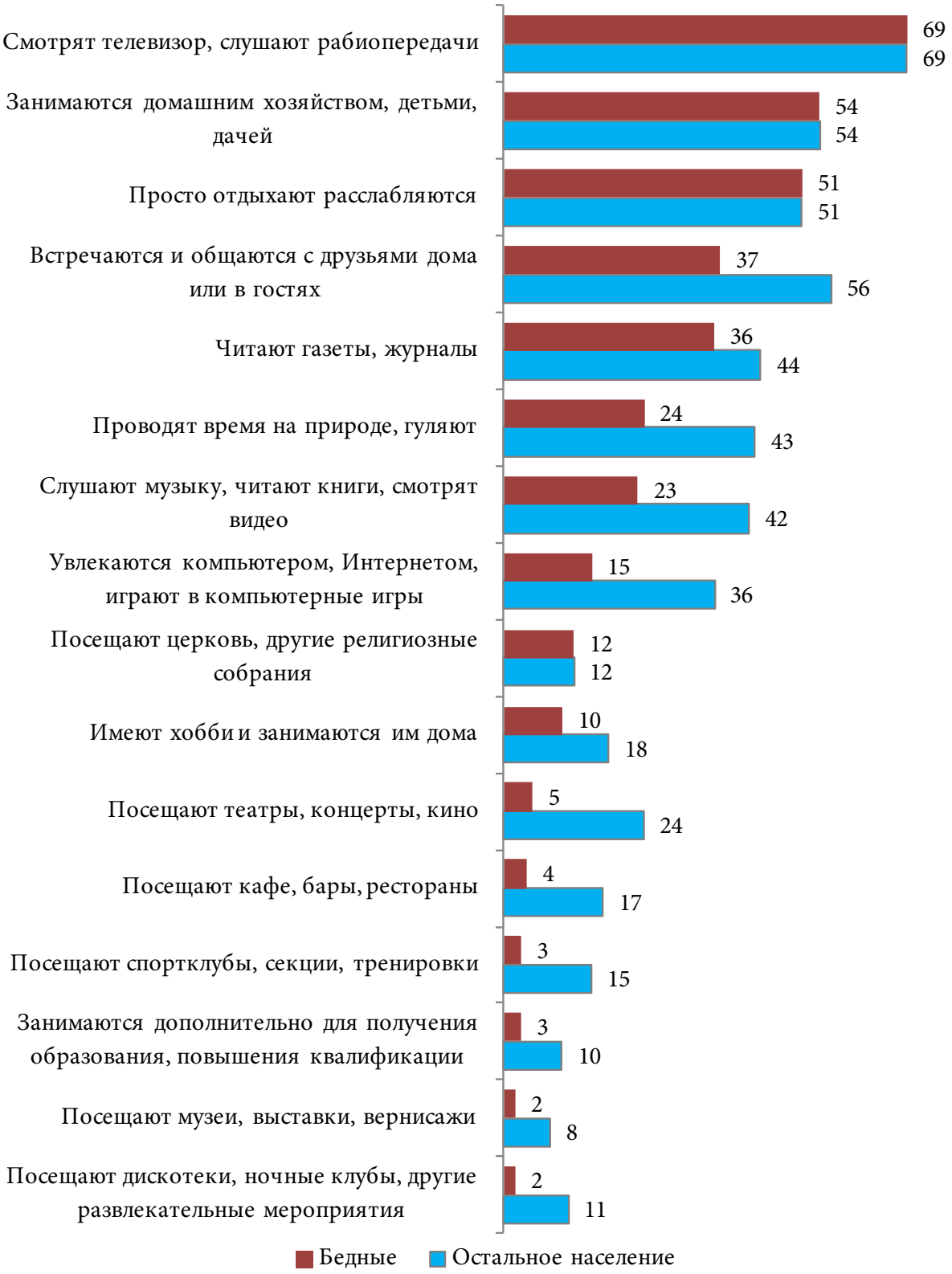

Рис. 8. Досуговые практики бедного и небедного населения, %

Figure 8. Recreation practices of the impoverished and the non-impoverished, %

Закончив анализ положения бедного населения в социальной структуре общества на основании социально-экономических критериев, перейдём к анализу их положения на основании социально-профессиональных критериев (см. таблицу 1).

Таблица 1 (Table 1)

Образовательный уровень, сфера занятости по отраслям производства, форма собственности предприятия, престиж профессии, %

Level of education, field of employment by branch of industry, form of enterprise ownership, prestige of trade, %

Должностные позиции и виды предприятий	Бедные	Небедные
Уровень образования		
Не более 9 классов школы	6,9	2,7
10 или 11 классов школы	16,5	10,2
Училище, техникум, колледж	40,5	35,2,
Вуз, аспирантура, учёная степень	36,1	51,7
Сферы занятости		
Сельское хозяйство	7,0	9,5
Промышленность	10,5	16,5
Транспорт и связь	6,0	4,5
Наука, культура, образование, здравоохранение	12,0	8,5
Госслужба	4,5	4,5
Правоохранительные органы, военные	1,0	4,0
Торговля и услуги	7,0	12,0
Финансы и кредит	2,0	3,0
Учащийся, студент	4,5	9,0
Пенсионер	38,5	25,0
Домохозяйка, в декретном отпуске	2,0	1,0
Безработный	3,0	1,5
Форма собственности предприятия		
Государственная	40,5	37,5
Частная	32,5	47,0
Другая	27,0	15,5
Престиж профессии		
Самая престижная	12,9	12,8
Скорее престижная, чем не престижная	14,1	24,9
Средний престиж профессии	23,5	37,0
Скорее непрестижная, чем престижная	15,4	15,1
Самая непрестижная	34,2	10,1

Представленные данные позволяют проследить прямую взаимозависимость уровня образования и социального положения населения. Почти четвёртая часть бедного населения не имеет не только высшего, но даже начального профессионального образования (23,4%). Среди небедных получением данного вида образования ограничилось в два раза меньшее число респондентов (12,9%).

Что касается высшего образования, то его имеют чуть более трети бедного (36,1%) населения. Данный факт достаточно тревожен. Он может быть свидетельством того, что в современном обществе образование как социальный лифт восходящей вертикальной мобильности утрачивает свою эффективность. Это связано с появлением так называемых «новых бедных», к которым относятся медицинские работники, служащие сферы науки, культуры, образования, здравоохранения. В таблице продемонстрировано, что представители этих сфер занятости составляют 12% среди бедного населения, и данная сфера является второй по численности его сосредоточения. Более трети бедных являются пенсионерами (38,5%), что свидетельствует о низком уровне пенсий в нашей стране в целом и регионе в частности. Таким образом, оказавшись на пенсии, люди не только перестают вести привычный образ жизни, утрачивают круг общения, но и оказываются в крайне негативном материальном положении. Это обстоятельство должно учитываться при разработке различных мер повышения эффективности социальной политики.

На третьем месте по численности бедного населения находится промышленная сфера (10,5%). Интересно отметить, что в данной сфере сосредоточено большинство работающего небедного населения (16,5%). Из этого можно сделать вывод, что уровни возможностей и заработных плат в этой сфере достаточно разнообразны и дифференцированы. Так, мастера высшего разряда, инженеры, работники высшей квалификации, так называемые «белые воротнички», имеют стабильную работу и высокую зарплату. Из-за низкого уровня образования и квалификации бедные работают на должностях разнорабочих или по найму, временно привлекаемые на определённых этапах выполнения несложных функций (демонтаж, погрузка, выгрузка и т. п.). Данные работы низкооплачиваемы, их нельзя назвать стабильными.

Представители бедных слоёв отсутствуют и в таких достаточно высокооплачиваемых сферах занятости, как правоохранительные органы (1,0%), финансы и кредит (2,0%). Тот факт, что среди студентов бедные встречаются в два раза реже (4,5 и 9,0% соответственно) говорит о том, что словосочетание «бедный студент» утратило свою актуальность. Чаще всего они получают материальную поддержку от родителей (особенно на первых курсах) и совмещают работу и учёбу (на старших курсах). Если рассматривать формы собственности предприятий, то можно отметить, что частная является более высокооплачиваемой, в ней сосредоточена почти половина небедного населения и только треть бедного (47,0 и 32,5%).

В оценках социально-профессионального положения бедного населения в социальной структуре общества по критерию «престиж профессии» наблюдаются следующие закономерности. Несмотря на то, что самую непрестижную оценку своей профессии даёт третья часть бедного населения, а у небедного такие оценки встречаются в три раза реже (34,2 и 10,1% соответственно), вызывает недоумение, что количество

оценивших свою профессию как самую престижную совпадает у бедного и небедного населения (12,9 и 12,8%). Это говорит о том, что бедным свойственно завышать самооценки, о чём будет говориться далее.

Оценки перспектив карьерного роста у бедного и небедного населения будут также дифференцированы (см. таблицу 2).

Таблица 2 (Table 2)

Перспективы продвижения по карьерной лестнице

Prospects for ascending the career ladder

Оценка перспектив	Бедные	Небедные
Карьерный рост бесконечен	6,0	10,0
Карьерный рост возможен до определённой ступени	7,0	21,0
Карьерный рост возможен на несколько ступеней	23,0	24,0
Карьерный рост невозможен	49,0	30,0
Затруднились с ответом	15,0	15,0

Перспективы своего карьерного роста бедные оценивают более реалистично. Так, половина бедных заявляют о его невозможности (49,0%). Это связано в большей степени с тем, что они не желают повышать уровень образования и квалификацию. О возможности карьерного роста заявляют лишь 13% бедного населения, тогда как среди небедных такие ответы встречаются у каждого третьего (31,0%).

На заключительном этапе исследования проанализируем положение бедного населения в социальной структуре региона на основании субъективного самоидентификационного критерия (см. рис. 9).

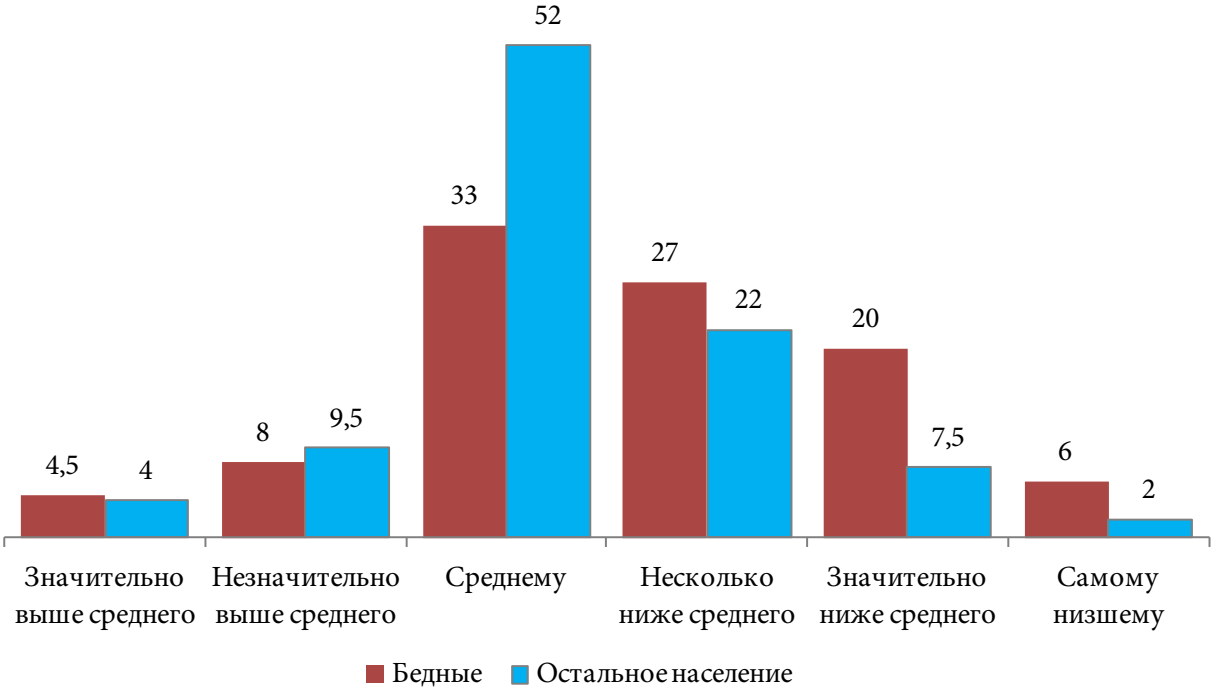

Рис. 9. Самооценка населением своего уровня положения в социальной структуре общества, %

Figure 9. Self-evaluation of their position in the social structure by members of the population, %

На рисунке 9 отчётливо показано, что каждый пятый бедный относит себя к уровню значительно ниже среднего, а ещё 6% – к самому низшему. Среди остального населения данные оценки собственного положения присутствуют в три раза реже. Таким образом, четвёртая часть бедного населения относит себя к низшему слою общества. Оценку «несколько ниже среднего» даёт своему положению ещё четверть бедного населения (27%). Из этого можно сделать вывод, что половина бедного населения реально осознаёт, что находится на нижнем уровне социальной структуры.

Положительные оценки своего социального положения половиной бедного населения можно объяснить следующим образом. То, что каждый третий бедный (33%) идентифицирует себя со средним классом, можно интерпретировать тем, что не все бедные имеют чёткое преставление о среднем классе.

Достаточно парадоксальным выглядит и тот факт, что собственное социальное положение оценивают «незначительно выше среднего» почти одинаковое количество как бедных (8%), так и небедных (9,5%) респондентов. Ещё более парадоксально, что бедных, оценивающих своё положение «значительно выше среднего», чуть больше, чем небедных (4,5 и 4% соответственно). Завышение бедным населением своего социального статуса (особенно так массово, как при идентификации себя со средним классом) можно объяснить желанием населения приукрасить собственное положение. Завышение социального статуса, как показали результаты наших многочисленных исследований социальной структуры региона, показали, что это является характерной чертой не только бедного, но и всего населения Орловской области[1]. Несмотря на данную тенденцию, к самому высшему слою общества не отнёс себя ни один респондент.

Описывая самооценку бедными собственного положения, нельзя не остановиться на депривации. И хотя для многих бедных свойственно завышать самооценку собственного положения, все они постоянно испытывают чувство обделённости, лишения возможности удовлетворять свои потребности. В завершении исследования бедным было предложено ответить на вопрос о причинах, делающих их жизнь хуже, чем у остального населения (см. рис. 10).

Наибольшую депривацию бедное население испытывает в досуговой сфере. В первую очередь (45,0%) огорчает отсутствие возможностей проведения отпуска в соответствии с желаниями (отдых на море, в санаториях, домах отдыха). На невозможность вести полноценную культурную жизнь (приобретать книги и журналы, посещать музеи, кино, театры, выставки,

[1] Массовые опросы населения г. Орла и Орловской области: «Социально-политическая и социально-экономическая ситуация в Орловской области». Исследование проводилось в сентябре-октябре 2017 г. на кафедре «Социология и информационные технологии». Выборочная совокупность составила 1304 чел.; «Социальная структура современного российского общества». Исследование проводилось в мае 2016 г. Общий объём выборки – 2003 чел.; «Средний класс и социальная напряжённость в современном российском обществе». Исследование проводилось в сентябре–октябре 2014 г. Общий объём выборки – 1998 чел.

концерты) уповают 41,5% бедных. Более трети их представителей недовольны отсутствием стартовых возможностей для детей (37,5%), невозможностью получения достойного медицинского обслуживания (37,0%). Около трети бедных сетуют на невозможность приобретения качественной одежды и обуви (32,5%). Четвёртую часть бедных беспокоит то, что они лишены возможности удовлетворять свои первоочередные нужды, не влезая в долги (26,5%), а также отсутствие возможности улучшить жилищные условия (24,5%). Каждый пятый бедный указывает на невозможность получить самому или дать детям достойное образование (20,0%), а также полноценно питаться (18%).

Рис. 10. Оценка бедного населения степени своей депривации по различным критериям, %

Figure 10. The impoverished evaluating the degree of their deprivation by various criteria, %

Заключение

Представители бедных слоёв населения в большей мере, чем небедных, озабочены престижностью потребления, проявляющейся в стремлении приобрести вещи-новинки даже за счёт заёмных средств. Нередко это становится причиной значительного увеличения кредитной нагрузки. При самооценке своего общественного положения объективно отнесённые к бедным зачастую причисляют себя к средним слоям общества. Это несоответствие вызвано как узостью социальных контактов, при

которой в ближайшем окружении отсутствуют представители средних слоёв и тем более высших, так и стремлением выдать желаемое за действительное.

Сравнение бедных и небедных по социально-профессиональным критериям подтвердило одно из положений теории социальной стратификации, расширительное толкование которого предполагает прямую зависимость между уровнем образования и принадлежностью к небедным слоям. Иными словами, представителям бедных слоёв присущи низкий уровень образования и занятие низших должностных позиций, да и сами они оценивают перспективы своего карьерного роста значительно ниже небедных.

Им же свойственна и недостаточная полноценность жизни, особенно в части коммерциализированных форм досуга. В этой связи становится понятной наблюдаемая у бедных депривация, несмотря на их склонность относить себя к средним слоям общества. Продолжение и усиление тенденции на формализацию, институционализацию и коммерциализацию всего образа жизни, а не только досуговых практик, приведёт либо к осознанию бедными иллюзорности самоидентификации и приведения её в соответствие с их объективно существующем положением, либо к размыванию границ бедности как вследствие повышения уровня жизни низших слоёв общества, так и сокращения среднего класса и поляризации общества.

Библиографический список

Бедность и бедные в современной России / Под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2014. 304 с.

Бедность и неравенства в современной России: 10 лет спустя. Аналитический доклад. М.: ИС РАН, 2013. 168 с.

Голенкова З. Т., Самба А. Д. Б. 2019. Прошлое, настоящее и будущее социального пространства в регионе // ИНАБ. № 3. М.: Институт социологии ФНИСЦ РАН. С. 5–17.

Горшков М. К. 2020. Российское общество в социологическом измерении // Вестник Российской академии наук. Т. 90. № 3. С. 232–242.

Горшков М. К., Седова Н. Н. 2015. «Самодостаточные» россияне и их жизненные приоритеты // Социологические исследования. № 12. С. 4–16.

Лежнина Ю. П. 2014. Социально-демографические особенности бедности в Российской Федерации // Социологические исследования. № 1 (357). С. 20–28.

Мареева С. В., Тихонова Н. Е. 2016. Бедность и социальные неравенства в России в общественном сознании // Мир России. Социология. Этнология. Т. 25. № 2. С. 37–67.

Печетова Т. И. 2017. Бедность как фактор, определяющий уровень жизни населения в российских регионах // Молодой ученый. № 5 (139). С. 223–226.

Тихонова Н. Е. 2017. Стратификация по доходу в России: специфика модели и вектор изменений // Общественные науки и современность. № 2. С. 23–35.

Тихонова Н. Е. 2018a. Стратификация по жизненным шансам массовых слоев современного российского общества // Социологические исследования. № 6 (410). С. 53–65.

Тихонова Н. Е. 2018b. Факторы жизненного успеха и социального статуса в сознании россиян // Вестник Института социологии. Т. 9. № 4 (27). С. 11–43.

Тихонова Н. Е. 2014. Феномен бедности в современной России // Социологические исследования. № 1. С. 7–19.

Тихонова Н. Е., Каравай А. В. 2018. Динамика некоторых показателей общего человеческого капитала россиян в 2010–2015 гг. // Социологические исследования. № 5 (409). С. 84–98.

Тихонова Н. Е., Слободенюк Е. Д. 2014. Гетерогенность российской бедности через призму депривационного и абсолютного подходов // Общественные науки и современность. № 1. С. 36–49.

Статья поступила 10.07.2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеёнок Анна Алексеевна, доктор социологических наук, доцент, профессор, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Орёл, Россия

Каира Юрий Владимирович, кандидат социологических наук, доцент, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Орёл, Россия

Колмогоров Евгений Владимирович, аспирант, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Орёл, Россия

DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.665

The Position of Impoverished Citizens in a Region's Social Structure (Based on Material from Orel Province)

AnnaA. Alekseionok

Central Russian Institute of Management-Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration, Orel, Russia

E-mail: alexaconst@rambler.ru

ORCIDID: 0000-0001-5178-6857

Yurij V. Kaira

Central Russian Institute of Management-Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration, Orel, Russia

E-mail: kaira@orel.ranepa.ru

ORCIDID: 0000-0001-8402-2001

Evgenij V. Kolmogorov

Central Russian Institute of Management-Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration, Orel, Russia

E-mail: jonson1974@bk.ru

ORCIDID: 0000-0003-4296-5479

Forcitation: Alekseionok A. A., Kaira Yu. V., Kolmogorov E. V. The position of impoverished citizens in a region's social structure (based on material from Orel Province) *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 3. P. 99–120. DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.665

Abstract. This article presents the results of the authors' research, conducted in one of Russia's more significant agricultural regions – Orel Province. The study was based on an integrative approach, which involves a combination of objective and subjective criteria and sub-criteria for inclusion into the impoverished strata. The sample's representativeness (n=1154) is guaranteed by age, gender, area of employment and type of settlement, with margin of error for the population sample amounting to no more than 2.3%. The method for interpreting the results of the study is based on dividing the community into impoverished and non-impoverished strata, as it was done for analyzing poverty and inequality in modern Russia in a report of the same name by the Institute of Sociology of the RAS. Such an interpretive approach allowed for the authors to identify considerable discrepancies in the qualitative assessments and quantitative characteristics of the phenomenon of poverty by the highlighted strata consisting of the impoverished and non-impoverished. The research results allowed for isolating the primary reasons leading to poverty, based on the evaluations of both the impoverished and the non-impoverished.

The authors figured out that, when members of the population identify their position in the social structure of the region, the non-impoverished tend to underestimate their status in comparison to the objective values of poverty criteria, while the impoverished tend to over-estimate their social standing. Comparing the impoverished and non-impoverished based on social-professional criteria confirmed one of the clauses of the social stratification theory, the broad interpretation of which suggests a direct correlation between one's education level and belonging to non-impoverished groups of the population. The general conclusion to the study suggests that the impoverished groups of Orel Province's population lead less fulfilled lives when compared to the non-impoverished, especially when it comes to commercialized forms of recreation, as well as that the former find themselves in a state of deprivation, despite their own desire to position themselves outside of the poverty zone.

The authors draw the conclusion that, given a situation when poverty is a global issue, with it becoming a target index for an increasing amount of countries and regions in the last few years, singling out poverty should become a priority for Russian social policy, both on a federal and regional level.

Keywords: poverty, poverty criteria, causes of poverty, social stratification, social structure

References

Golenkova Z.T. Samba A.D.B. Past, Present and Future of Social Space in the Region. Informacionno-analiticheskiy biulleten Instituta sociologii FNISC RAN = Information and Analytical Bulletin of the Institute of Sociology of the FCTAS RAS, 2019: 3: 5–17 (In Russ.).

Gorshkov M.K. Russian Society in the Sociological Dimension. Vestnik Rossiyskoy akademii nauk = Bulletin of the Russian Academy of Sciences, 2020: vol. 90: 3: 232–242 (In Russ.).

Gorshkov M.K. Sedova N.N. Self-sufficient Russians and Their Life Priorities. Sotsiologicheskie issledovanija = Sociological Studies, 2015: 12: 4–16 (In Russ.).

Lezhnina J.P. Socio-demographic features of poverty in the Russian Federation. Sociologicheskie issledovanija = Sociological Studies, 2014: 1 (357): 20–28 (In Russ.).

Mareeva S.V. Tikhonova N.E. Poverty and social inequalities in Russia in the public consciousness. Mir Rossii. Sotsiologija. Etnologija = World of Russia. Sociology. Ethnology, 2016: vol. 25: 2: 37–67 (In Russ.).

Pechetova T.I. Poverty as a factor determining the standard of living of the population in the Russian regions. Molodoy uchioniy= Young Scientist, 2017: 5 (139): 223–226 (In Russ.).

Poverty and Inequality in Modern Russia: Ten Years Later. Moscow, IS RAS publ., 2013: 168 (In Russ.).

Poverty and the Poor in Modern Russia. Ed. by M.K. Gorshkov, N.E. Tikhonova. Moscow, Ves' mir, 2014: 304 (In Russ.).

Tikhonova N.E. Factors of life success and social status in the minds of Russians. Vestnik Instituta Sotsiologii = Bulletin of the Institute of Sociology, 2018: vol. 9: 4 (27): 11–43 (In Russ.).

Tikhonova N.E. Karavay A.V. Dynamics of some indicators of the total human capital of Russians in 2010–2015. Sotsiologicheskie issledovanija = Sociological Studies, 2018: 5 (409): 84–98 (In Russ.).

Tikhonova N.E. Stratification on income in Russia: the specifics of the model and the vector of changes. Obshhestvennye nauki i sovremennost' = Social Sciences and Modernity, 2017: 2: 23–35 (In Russ.).

Tikhonova N.E. Stratification on the life chances of mass sectors of modern Russian society. Sotsiologicheskie issledovanija = Sociological Studies, 2018: 6 (410): 53–65 (In Russ.).

Tikhonova N.E. The phenomenon of poverty in modern Russia. Sotsiologicheskie issledovanija = Sociological Studies, 2014: 1: 7–19 (In Russ.).

Tikhonova N.E., Slobodeniuk E.D. Heterogeneity of Russian poverty through the prism of deprivation and absolute approaches. Obshhestvennye nauki i sovremennost' = Social Sciences and Modernity, 2014: 1: 36–49 (In Russ.).

The article was submitted on: July 10. 2020

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alekseionok Anna Alekseevna, Doctor of Sociological Sciences, Professor,
Central Russian Institute of Management-Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration, Orel, Russia

Kaira Yurij Vladimirovich, Candidate of Sociological Sciences,
Central Russian Institute of Management-Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration, Orel, Russia

Kolmogorov Evgenij Vladimirovich, graduate student, Central Russian Institute of Management-Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration, Orel, Russia